K.V. Gusov
The Problems of Conceptualization of the "Separatism" Notion in the Home Political Studies

Different approaches to the assessment of the "separatism" phenomenon are shown. The author's conceptualization of the notion is carried out.

Key words and word-combinations: separatism, the state, the territory, the desire to unite.

Показаны различные подходы к оценке явления «сепаратизм». Производится авторская концептуализация понятия.

Ключевые слова и словосочетания: сепаратизм, государство, территория, стремление к отделению.

УДК 323.1
ББК 66.094

К.В. Гусов

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «СЕПАРАТИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Как политическое явление сепаратизм представляет собой серьезную угрозу как для России, так и для множества других стран и территорий мира. Современные глобализационные процессы, углубляя взаимозависимость стран и территорий мира, придают ему дополнительную значимость.

Однако сепаратизм не является гомогенным явлением. Сепаратистские проявления обладают уникальным сочетанием коэффициентов по таким показателям, как временная и территориальная протяженность, географическое положение и геополитическое окружение, абсолютная и удельная численность участников, легитимационная идеологическая платформа. Несомненно, такая пестрота свойств казуально дифференцированных проявлений серьезно препятствует выработке бесспорных критериев для их квалификации как сепаратистских или несепаратистских. Кроме того, помимо объективной сложности анализа, перед сообществом исследователей сепаратизма существуют серьезные ограничения субъективного характера. Сепаратизм – явление, имеющее имманентно конфликтную природу. Редкий исследователь способен объективно оценивать конфликт, то есть нейтрально в ценностном отношении воспринимать разыгрывающиеся события и поведение его участников.

Российской политической наукой пока еще

не достигнут удовлетворительный консенсус по поводу определения термина «сепаратизм». В современной научной литературе мало исследований, посвященных компаративному и сущностному анализу сложившегося в науке спектра дефиниций сепаратизма. Между тем данная задача представляется тем более важной, чем более близки и схожи позиции различных авторов по данному вопросу.

В научной литературе присутствует достаточное разнообразие определений искомого понятия, расставляющих существенно различные акценты. К тому же в отечественной литературе сепаратизм отнюдь не сразу обрел свое современное понимание. Энциклопедические издания позволяют проследить динамику смены трактовочных доминант в толковании термина «сепаратизм».

Во второй половине XIX в. сепаратизм воспринимался как одно из проявлений религиозного схизматизма – «духа отщепенства в делах веры» [1, с. 28]. Однако уже через сравнительно небольшой промежуток времени более употребимым становится отнесение сепаратизма к сфере политических явлений: сепаратизм стал трактоваться как стремление к достижению областью государства или политическим движением автономии или полной политической самостоятельности.

В советские годы внимание сепаратизму уделялось в связи с исследованиями проблем национализма и межнациональных отношений. Это была одна из тех областей советской науки, на которые господствующая идеология влияла наиболее активно. Но в работах того времени сепаратизм определялся весьма узко и аксиоматично, что нанесло серьезный ущерб научности его анализа. Авторы первого и второго изданий Большой советской энциклопедии [2, с. 822; 3, с. 530] единодушно относят явление сепаратизма к многонациональным государствам капиталистического типа. Последнее, третье издание БСЭ [4] вовсе не содержало статьи о сепаратизме.

Новый всплеск внимания к сепаратизму совпал со временем его фактического развития в Советском Союзе и на постсоветском пространстве. Отечественная наука стала отходить от вполне обоснованных идеологически, но малополезных в практическом отношении взглядов на сепаратизм как антипод национально-освободительного движения и узкобуржуазный феномен. Хотя еще в 1999 г. подчеркивалось, что сепаратизм «обычно не отвечает коренным интересам трудящихся и выражает эгоистические интересы узких слоев населения» [5, с. 382], сепаратизм стал все более определяться просто как политика, направленная на обособление части государства от государства.

В более сложном варианте под сепаратизмом подразумевается «явление, отражающее и реализующее идейно-политические потребности различных социальных групп населения государства в реализации «инаковости» и обособления от исторически сложившейся социально-политической общности на основе осознания ими невозможности совместного сосуществования в рамках единой государственности с целью создания отдельного государственно оформленного образования» [6, с. 50]. В такой трактовке сепаратизмом можно считать осознание и осуществление внутригосударственной социальной группой такой политической ориентации, которая направлена на смену пре-

жнего статуса группы, включающего ее в государство на правах части, новым статусом, подразумевающим отдельное существование. Иными словами, сепаратизм выступает как идеология и практика такой группы. При этом сепаратизм отделяется от таких явлений, как автономизм (различие в степени достигаемой самостоятельности), автаркизация (политическому обособлению предшествует экономическое), регионализм (это не обособление, а уточнение баланса между центром и регионом), этнический унионизм (акцент на интеграции национально идентифицированных общностей), сецессия (обособлению группы не существует альтернативы), ирредентизм (ему присущи цель присоединения к другому государству и внешнеполитическая экспансия последнего) [6, с. 51–52].

Предлагаемое разграничение сложно принять в силу того, что основным критерием служит наличие уникальных признаков не у определяемого понятия «сепаратизм», а у отграничиваемых понятий. Прямого ответа на вопрос, включает ли объем понятия «сепаратизм» хотя бы один признак, которого не было бы у остальных терминов, не дается. Между тем этот вопрос является более чем обоснованным, так как без ответа на него можно допускать, что сепаратизм является не отличным от других терминов, а родовым для них понятием.

Сепаратистов нельзя считать социальными группами, которые осознают невозможность дальнейшего совместного сосуществования. Сопоставление результатов референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г., где 76% населения страны высказались за сохранение союзного государства, и последовавшего менее чем через год Беловежского соглашения о демонтаже Союза ССР ярко демонстрирует, что практический сепаратизм не всегда корреспондирует с осознанием своей целесообразности.

Наконец, не вполне логичным выглядит разграничение сепаратизма и автономизации при признании целью сепаратистов «создания отдельного государственно оформленного образования». На наш взгляд, в ряде случаев автономизация части территории государства может выступать одним из этапов стремления к созданию отдельного государства.

В целом рассматриваемое определение представляется чрезмерно узким и слабо связанным со смежными понятиями, которые объединены в общей группе проявлений политической «дезинтеграции». Узость понимания рассматриваемой дефиниции выводит сепаратизм из общего ряда его определений в политической науке, в целом схожих и различающихся лишь акцентуально. Кроме того, представляется аналитически непродуктивным объединять сепаратизм и сопутствующие ему понятия в рамках политической дезинтеграции. Политическая дезинтеграция – термин, который описывает, скорее, свой собственный результат – ослабление связей и иерархии внутри политического целого, тогда как для полноценного, то есть практически применимого, политологического анализа тех или иных ситуаций требуется в первую очередь описание причин, каковому условию в большей мере отвечает понятие сепаратизма, а не дезинтеграции.

Более системным выглядит иное определение сепаратизма: «Феномен, раз-

вивающийся в процессе конфликтного взаимодействия между регионом в составе государственного образования, целями которого выступают сецессия, ирредентизм или политическая автономизация, и центральной властью государственного образования, чьей задачей является сохранение политического суверенитета и территориальной целостности» [1, с. 39]. В данном случае сепаратизм – явление, которое сопровождает конфликт между регионом, стремящимся к политическому обособлению, и государственным образованием, стремящимся не допустить такого обособления. В целом можно сделать вывод, что это определение включает в себя более широкий круг случаев, ибо оно основано на объективном признаке свойства субъекта конфликта (включенность в конфликтную ситуацию), а не на субъективном признаке преследуемой им цели (самостоятельный государственный статус).

Однако такая трактовка не дает ясного ответа на вопрос о том, к какому родовому понятию можно причислить сепаратизм, то есть разновидностью чего он является. Исходя из авторского определения, этим термином можно обозначить и политическое движение, и политическую идеологию, и даже, строго говоря, сам образовавшийся политический или – шире – социальный конфликт. Отметим также, что равным образом под такое определение подпадает также и встречно направленный процесс – централизация.

Приведенные трактовки являют собой примеры исследовательского внимания к поведению и субъективным позициям участников ситуации, в которой констатируется факт сепаратизма. В отличие от них, следующая трактовка имеет внешний по отношению к участникам ситуации – региону и центральной власти – характер и по преимуществу основывается на факторе их международной легитимности: сепаратистскими предлагается считать факты стремления к отделению или самого отделения, право на которые не является общепризнанным [7, с. 44].

Однако это определение также не представляется удовлетворительным, ибо в мировой практике не существует принятого всеми и не допускающего расширительных толкований реестра территорий, чьи притязания на самостоятельность общепризнанны или, напротив, общеотвергаемы. Более того, ряд международных правил запрещает признавать законными конфликтные движения десуверенизирующего характера. Таков, например, принцип территориальной целостности, провозглашенный Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Данный международно-правовой принцип слабо разработан практически и применяется ситуативно. На это указывает, в частности, преимущественное признание мировым сообществом Косовской автономии и непризнание Южной Осетии и Абхазии. В отдельных случаях, как, например, в случае с Турецкой Республикой Северного Кипра, в какой-то степени можно говорить о какой-то ясности, поскольку это государство признано одной Турцией и мотивы этого признания далеки от нейтральных. Что касается Косова, то оно признано почти половиной стран – членов Организации Объединенных Наций, в том числе тремя из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Логично предположить, что исследователи должны разделиться (как это, собственно,

и случилось) на две группы в зависимости от того, считают ли они законным, вслед за той или другой половиной государств мира, право Косовской автономии на отделение или отрицают его.

Данные соображения свидетельствуют о неполной проработанности такого критерия различения сепаратизма, как международное признание обособления региона.

Наконец, приведем еще одно определение сепаратизма, которое, на наш взгляд, весьма адекватно отражает сущность этого явления: «Сепаратизм – политическая идеология и практика, направленные на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности» [8, с. 368]. Эта дефиниция видится нам, пожалуй, наиболее удачной из рассмотренных, ибо в сжатом виде излагает все сущностные характеристики сепаратизма. Однако сжатость изложения, на наш взгляд, обусловила отсутствие того существенно важного уточнения, которое касается четкого определения субъекта сепаратизма. Так, если подходить формально, то есть не пользоваться допущениями из разряда само собой разумеющихся, то, согласно анализируемому определению, сепаратизмом будут и действия центральной власти, намеренно наделяющей суверенитетом часть своей территории.

Ситуация, когда руководство государства сознательно идет на уменьшение собственной территории, не так уж невероятна, как кажется на первый взгляд. В мировой политической истории немало случаев сознательного отторжения государствами своих территорий в связи с какими-либо нерешенными или неразрешимыми трудностями. Примером может служить политика «превентивной деколонизации» [9, с. 172], которую осуществила Франция в отношении своей колониальной империи во второй половине XX века. Существование подобных случаев, на наш взгляд, требует при определении сепаратизма уточнять, какие именно субъекты могут признаваться сепаратистскими.

Ввиду отсутствия общепринятого и детально разработанного понимания термина «сепаратизм» представляется уместным предложить собственное определение. На наш взгляд, сепаратизмом можно считать **действия и настроения части населения государства, направленные на получение большего суверенитета в вопросах своей жизнедеятельности и (или) идентичности.** В такой формулировке суммированы и систематизированы результаты анализа рассмотренных дефиниций сепаратизма, устранены выявленные в них проблемные и спорные моменты.

Во-первых, используются родовые понятия «действие» и «настроение», позволяющие причислить сепаратизм к некоторому классу явлений и тем самым дополнительно проясняющие его сущность. Таковое, как отмечалось, отсутствует в определениях других авторов. Так, предложенные родовые понятия «феномен» и «явление» явно не дают понимания сущностной природы сепаратизма: является ли он актом, процессом, идеей, событием или чем-то еще. Более сущностным является определение сепаратизма как «факта стремления», однако эта трактовка имеет чрезмерно событийный, фактологичный фокус. С этим трудно согласиться, поскольку при изучении сепаратизма

аналитически некорректно отделять факты сепаратистского поведения от сознания его субъектов.

Многогранное явление сепаратизма представляет собой общий процесс устремленности на одни и те же цели, который объективно выражается в действиях, риторике, идеях, умонастроениях и даже в мировоззрении сепаратистских групп. Все эти элементы равноправно существуют и сосуществуют в структуре феномена сепаратизма и активно взаимодействуют друг с другом. Можно ли представить себе возникновение сепаратистского движения без объединяющей его оригинальной идейной платформы? Нет, как невозможно и появление новых идеологов в отрыве от контекста происходящих в обществе событий. Отсюда следует, что такую связь практики и идей нужно и характеризовать интегрально, единым термином «сепаратизм».

Во-вторых, предлагаемым определением подчеркнута роль суверенитета сепаратистской общности в вопросах идентичности. Частой целью и обязательным признаком любого сепаратистского движения выступает «инаковость» [6, с. 50] сепаратистских общностей. Речь идет о риторическом провозглашении сепаратистской общностью собственной уникальности, таких своих качеств, которых нет ни у кого в мире или хотя бы нет у ее окружения. Эти идентифицирующие конструкции могут быть весьма субъективными и исторически некорректными, но присутствие их непременно. Стоить обратить внимание на то, что в своих методах интеграции обособляющихся сообществ сепаратизм весьма схож с национализмом.

В-третьих, формулировкой «получение большего суверенитета» в предложенном нами определении сепаратизма смягчены чрезмерно сецессионистские акценты многих авторов, предполагающие непременное обретение сепаратистским регионом полноправного государственного статуса. Необходимо иметь в виду, что значительная часть сепаратистских конфликтов протекает в мирных рамках поиска оптимальной формы имеющегося государственного устройства, ибо в случае сецессии сепаратистам пришлось бы самим и заново воссоздавать сложившиеся экономические, социальные или оборонные реалии. Помимо этого, уход от однозначно сецессионистского понимания сепаратизма позволяет обобщить в рамках одного понятия «сепаратизм» другие факты, имеющие сходную природу: автономизацию, сецессию, ирредентизм и другие. В предлагаемом нами определении они объединяются не субъективной телеологической характеристикой (целью), а при помощи хотя бы одного объективного критерия (действий).

Систематизация существующих в российской политической науке трактовки сепаратизма направлена на решение вопросов, которые имеют не только теоретико-методологическое, но и сугубо практическое значение. Авторский субъективизм, которого сложно избежать исследователям сепаратизма, вкупе с избалованностью всеобщим вниманием, делает сепаратизм, подобно демократии, одним из самых репрезентативных участников той группы «незадачливых» (а может, и везучих) понятий, которые почти невозможно определить сколько-нибудь широким консенсусом. Конечно, под таким консенсусом нельзя подразумевать единое для всех понимание сепаратизма. Но и похва-

литься таким разбросом, причем не просто в акцентах, а в сущностных чертах, способно небольшое число понятий политической науки. В связи с этим, как кажется, обозначенные нами проблемы существующих точек зрения, обобщенные в авторской дефиниции сепаратизма, требуют более подробного анализа, а работа отечественных авторов по концептуализации сепаратизма нуждается в дальнейшем продолжении.

Библиографический список

1. *Домарева М.А.* Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: дис. … канд. полит. наук. М., 2004.

2. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. / под ред. К.Е. Ворошилова [и др.]. М., 1944. Т. 50.

3. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. / гл. ред. Б.А. Вознесенский. М., 1955. Т. 38.

4. Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1969–1978.

5. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.

6. *Бочарников И.В.* Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ: дис. … д-ра полит. наук. М., 2009.

7. *Остроухов Н.В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010.

8. *Тишков В.А, Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М., 2011.

9. *Черкасов П.П.* Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.